

Г. З. ИОФФЕ

«Распутиниада»: Большая политическая игра¹

До сих пор можно услышать, что Григорий Распутин был чуть ли не «подлинным царем» России и, если бы его не убили в декабре 1916 г., наша история выглядела бы сегодня совершенно иначе. Однако это миф, вернее, отголоски мифа, созданного противниками последних Романовых. Распутин лично не только не играл сколько-нибудь самостоятельной политической роли, но нет данных, свидетельствующих о том, что он пытался играть ее. Вместе с тем теперь в литературе заметна и другая крайность, исходящая от новоявленных монархистов. Распутин изображается неким «человеком из народа», бесконечно преданным царской чете и чуть ли не невинной жертвой политического безумия, охватившего Россию. Но этот же миф, как и миф о «Распутине-царе». Распутин был просто использован силами, боровшимися за влияние и власть, — крайне правыми и либеральной оппозицией. Они-то и превратили его в политическую фигуру, сыгравшую в судьбе российской монархии поистине роковую роль.

Компрометация власти — условие ее краха

Отчего рушатся режимы? Вопрос представляется школьным, детским. Конечно, от поражений во внешних войнах и от внутренних ударов — революций. С войнами все понятно, но что вызывает революции? В. В. Розанов как-то заметил, что «революции происходят не тогда, когда народу тяжело. Тогда он молится». Действительно, истории известны долгие периоды удивительного терпения «низов», измученных гнетом и лишениями. Пока власть еще внушает доверие, уважение, трепет,

* Печатается по: *Иоффе Г. З.* «Распутиниада»: Большая политическая игра // Отечественная история. 1998. № 8. С. 103–118.

страх — все равно, — она так или иначе «держит» устойчивость, даже несмотря на свои очевидные промахи и грехи. Но вот в ходе кризиса власть начинает искать выход из него, и наступает время перемен и некоторых уступок «низам» — самый уязвимый момент для старого порядка. Именно тогда начинается сравнение того, что дают народу, с тем, что он требует, и с тем, что ему так легко обещают некоторые политики. Именно тогда народ «бьет посуду» и «зажигает дом». Наступает революционная анархия.

Российская история XX в. подтверждает это. В России революция всегда «вытекала» из реформ. Когда оппозиция нащупывала уязвимое место власти, а затем выставляло его на всеобщее обозрение, — тогда крушение власти становилось реальным. Престиж власти начинал шататься, с нее спадали позолоченные одежды (вернее — их сдирали), и перед всеми обнаруживалось, что «король-то голый».

Флобер говорил, что святых нельзя трогать руками. На них, на руках, останется позолота. В России, где в силу долгой исторической традиции царская власть всегда считалась «от Бога», позолота, осыпавшаяся с монарха на мозолистые руки мужика, приводила к социальному шоку. Политическая, или, хуже того, моральная, нравственная компрометация власти — практически безотказное оружие в руках противостоящих ей сил, способное стать тем детонатором, который «взрывает» общественное спокойствие.

Годы империалистической войны значительно ухудшили экономическое положение России. Жизнь «низов» была полна лишений. И все-таки режим, возможно, устоял бы, как и в других воевавших странах, если бы... Когда в февральские дни 1917 г. рабочие и солдаты вышли на улицы Петрограда, многим из них власть уже представлялась монстром или карикатурой. Ее практически никто не хотел или уже не мог защищать... И наш последующий рассказ о человеке, который сделал для дискредитации царской власти едва ли не больше всех. Речь пойдет о Григории Распутине.

Тобольский Заратустра

О жизни Распутина до его появления в столице, до его всероссийской и даже мировой известности мы знаем не так уж много. Имеющиеся сведения неопределенны, противоречивы, как это обычно бывает с теми, кто вызывает жадный интерес окружающих. Распутин происходил из большого села Покровское Тюменского уезда Тобольской губернии. Родился он в 1864 или 1865 г. (значит, «старцу», когда он объявился в Петербурге, не было и 40 лет). В Покровском жила его семья: жена

Прасковья, дочери Варвара и Матрена (Мара) и сын Дмитрий — по некоторым данным, не вполне нормальный, «блаженный», как его называл сам Распутин. Пристрастившись к скитаниям по святым местам и монастырям, он тем не менее не перестал заботиться о семье. Уже осев в Петербурге, выписал туда дочерей. Мара в октябре 1917 г. вышла замуж за поручика Б. Соловьева, потом вместе с ним уехала в Тюмень, где Соловьев играл все еще не очень ясную роль в организации конспиративной связи с царской семьей, сосланной в Тобольск. В эмиграции она была цирковой актрисой, укротительницей, написала мемуары об отце, в которых пыталась представить его добрым, отзывчивым человеком, ставшим жертвой зависти и злобы развращенного петербургского общества. Скорее всего, она и не знала иного Распутина. Следы других членов семьи «старца» исчезают. Скорее всего, жена, дочь Варя и сын — «блаженный» Митька — вернулись в Покровское.

По показаниям, собранным следователем Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства Ф. Смиттенем, Распутин в ранний период своей жизни — «человек хитрый, наглый, с буйно-разгульной, экспансивной натурой» — пьянствовал, дрался, сквернословил, воровал, за что бывал бит односельчанами и преследовался волостными властями.

Есть много рассказов о том, как Распутин появился при царском дворе. Сопоставляя их, можно набросать примерно такую картину. Впервые он приехал в столицу в 1904 или 1905 г. с рекомендательным письмом викария казанской епархии Хрисанфа, с которым появился у ректора Петербургской духовной академии епископа Сергия. Что было в этом письме, неизвестно. Но если оно действительно существовало, можно предположить, что податель его характеризовался как странник, побывавший во многих святых местах и обителях, в том числе и на Афоне, а главное — как кающийся грешник, на которого снизошла Божья благодать, наделившая его огромной силой воздействия на людей. Во время встречи с Сергием на Распутина, полагаю, обратил внимание инспектор (позднее ректор) Духовной академии и духовник царской четы Феофан. Придет время, и он будет глубоко сожалеть, что, не поняв до конца «Божьего человека», открыл ему путь к «подножью трона». Именно Феофан первым представил Распутина женам великих князей Николая Николаевича и Петра Николаевича — Анастасии и Милице. Феофан знал, что обе глубоко интересуются религиозной нравственностью, поучениями святых отцов, аскетизмом.

В 1904 г. императрица Александра Федоровна могла считать себя счастливой. Бог, казалось, внял ее молитвам: родился наследник-цесаревич. Тем страшнее был удар, когда выяснилось, что ребенок болен

страшной болезнью — гемофилией (наследственная болезнь — плохая свертываемость крови — передается матерью по мужской линии). Легко себе представить глубину страданий Александры Федоровны, посчитавшей, что Бог карает ее. Убежденность в этом должна была многократно усиливаться революционной смутой, в которую стремительно втягивалась Россия. Душевные метания императрицы и природная нерешительность императора в глазах тех, кто не забывал «порядка», существовавшего при Александре III, грозили ослаблением самодержавных устоев, размываемых потоком либеральных и демократических идей.

Распутин, этот «сибирский Заратустра», вполне мог показаться им тем человеком, который способен во времена смуты укрепить дух царя и царицы, поддержать их в упрочении исконных основ русской государственности. Французский посол М. Палеолог, хорошо информированный о том, что происходило в российских «верхах», записал в своем дневнике слова Феофана, убеждавшего царскую чету познакомиться с Распутиным. «Григорий Ефимович, — говорил он, — крестьянин, простой человек. Вашим Величествам принесет пользу его выслушать, потому что голос Русской земли слышится из его уст...»

Таким образом, Распутину отводилась роль некоего рупора Русской земли, голоса простого русского народа, свободного от «западной порчи», коснувшейся столичного общества. Он, видимо, должен был укреплять колеблющегося царя в стремлении следовать во внутренней политике курсом, определяемым исторической традицией, русскими «национальными началами». Так правые силы вводили Распутина в среду идеологической и политической борьбы.

Способен ли был Распутин сыграть такую роль? Несмотря на свою малограмотность, он был далеко не заурядным человеком и отличался острым умом, находчивостью, наблюдательностью и способностью иногда удивительно метко выражаться. Что касается его внешней грубости и простоты обращения, то они, несомненно, были искусственными и имели целью подчеркнуть его крестьянское происхождение. Об уме и особой проницательности Распутина писали многие. И это понятно: надо же было как-то объяснить силу его воздействия. З. Н. Гиппиус заметила: «Ведь трудно и стыдно признаться даже себе, что вот пришел заурядный мужичонка, сел на спину тьмы-тьмущей народу, поехал, и его покорно везут». Гиппиус считала, что Распутин как личность был ничтожен и зауряден: «обыкновенный, дюжинный мужик», каких в России немало.

Распутин никогда бы не приобрел такого влияния на царскую чету и прежде всего на Александру Федоровну, если бы не обладал спо-

собностью успокаивать ее, помогая наследнику бороться с болезнью, перед которой оказывалась бессильной медицина. Для убитой горем матери Распутин был спасителем Алексея. Целительные способности Распутина — отдельная тема, но есть свидетельства о его необыкновенном даре.

Распутин, думается, сразу же понял, какую карту даровала ему судьба. В его позиции, как это следует из многих воспоминаний современников, прослеживалась определенная «линия»: он выдавал себя за Божьего человека — своего рода посредника между царем и Богом, представляющего подлинную, исконную Россию. «О мужичке думать надо, — говорил он. — В нем понимаешь, вся сила. Мужичок-то благодарный, он памятливым... Добро нужно, а у нас скандалы. Нужны искренние слуги, а у нас только чиновники. Не такие спасут, спасут праведники...» Такие слова ложились на душу Александре Федоровне и Николаю II, все более и более ощущавшим себя в политической и моральной изоляции. Следует, однако, со всей определенностью подчеркнуть, что взгляды Александры Федоровны и Николая II на Распутина существенно различались. На этот счет имеется немало свидетельств, в том числе и такого уважаемого человека, каким был А. Д. Самарин, занимавший пост обер-прокурора Синода до конца сентября 1915 г. В июне 1915 г. он был приглашен в Ставку, где должен был получить свое назначение. Когда Самарин приехал в Барановичи, некоторые лица из царской свиты взволнованно просили его поговорить с царем об удалении Распутина. Министр двора В. Б. Фредерикс сказал, что он и сам пытался поднять эту тему, но Николай II пресек разговор, сказав: «Это дело семейное». Однако другие уверяли Самарина, что, если он решится затронуть «щекотливую проблему», успех возможен. Состоявший в свите граф В. Н. Орлов рассказал, что после получения доклада о «художествах» Распутина в Москве Николай II якобы передал его конфиденстке царицы фрейлине Анне Вырубовой, сказав: «Возьмите, прочитайте и полюбуйтесь на вашего кумира».

При встрече с царем Самарин обусловил свое согласие принять должность обер-прокурора Синода устранением Распутина. Он сказал Николаю: «Вся Россия находится под гнетом сознания, что вблизи Вас, вблизи Вашего семейства находится человек недостойный». Николай II прервал его: «Послушайте, Самарин, ведь Вы признаете Ее Величество и меня людьми верующими?.. Как же мы могли бы допустить возле себя человека, такого, каким вы изображаете Распутина? Ведь мы не дети?»

Но Самарин настаивал на своем. Он говорил, что при дворе Распутин является «не таким, каким его знает вся Россия». Николай молчал. Потом сказал: «Можно было бы его удалить из Петербурга...

Но, обдумав все, что Вы мне сказали, все-таки прошу Вас принять должность обер-прокурора Святейшего синода».

Из воспоминаний Самарина видно, что присутствие Распутина тяготило царя. То, что Распутин становится важной пешкой в политической игре, царь знал. В одном из направленных ему докладов, например, прямо указывалось, что кампания против Распутина «при настоящих русских условиях политической жизни приобретает особо важное значение и указывает на стремление создать искусственным путем... антидинастическое движение». Последние два слова Николай II при чтении подчеркнул, но, видимо, не внял им. Почему? До конца он все-таки не смог оценить опасность всех политических последствий антираспутинской кампании, да и кто их вообще тогда мог оценить? В нападках на Распутина он скорее видел вмешательство в свою личную жизнь и не хотел огорчать жену, так горячо уверовавшую в «старца». Увы, у верховной власти, особенно в момент резкого обострения всей общественной жизни, «семейных» дел быть не могло. Все тогда бросалось в пылающий костер яростной политической борьбы.

И тем не менее остается фактом: Николай II умел уходить от назойливых давлений жены, передававшей ему некоторые рекомендации «нашего друга». Эмигрантский историк С. С. Ольденбург провел интересный анализ. Он взял все советы старца, содержащиеся в письмах императрицы Николаю II, и проследил их движение. Ни один совет выполнен не был.

Распутин, конечно, знал, сколько у него врагов. И объяснял это тем, что говорит царю правду. Какую? Она во многом напоминала ту, которую в свое время внушал Николаю и Александре близкий к ним в 1901–1902 гг. французский «магнетизер» и спирит Филипп. Западный масон и сибирский мужичок убеждали в одном и том же: нельзя ослаблять самодержавную власть, нельзя давать конституцию, ибо это будет гибелью России.

Весь имидж Распутина должен был подчеркнуть его «народность», близость к простым людям, верящим в царя. По одним воспоминаниям, высокого, по другим — небольшого роста, он ходил в русской подпоясанной рубахе навыпуск, в высоких сапогах, длинные прямые волосы обрамляли его лицо с мощными надбровными дугами, из-под которых смотрели глубоко посаженные, живые, выразительные и даже пронзительные глаза. Он и старался вести себя «просто», по-мужичьи. Есть свидетельства, что, войдя в роль, он порой мог смачно высморкаться двумя пальцами, отрыгнуть после хорошей выпивки и закуски. Эта «народность» не только не отталкивала от Распутина, но даже привлекала к нему, вызывала восторг аристократов. Правда,

люди, хорошо приглядевшиеся к Распутину, не поддавались его игре. Так, жандармский полковник Комиссаров, одно время приставленный к Распутину, нет-нет да и говорил «старцу» в интимном кругу: «Ну, да божественность-то брось! Будем говорить по-простому!»

Благостное поведение Распутина продолжалось относительно недолго. Те, кто «двинул» его в «царские чертоги», рассчитывали на то, что он будет послушным орудием в их руках, но просчитались. Избиение Распутина епископом Гермогеном и иеромонахом Илиодором — свидетельство того, что «тобольский мужичок» оказался непрост. Распутин довольно быстро вошел во вкус. Началось то, что вскоре стало известно как «распутинщина»: пьяные оргии, кутежи с цыганами, связи с темными дельцами и т.п. Безумный разгул Распутина с обязательной самозабвенной пляской стал притчей во языцех. Считалось, что и тут проявлялся подлинный «русский характер». С особым смаком распространялась и муссировалась версия о невероятной «мужской силе» «старца», которая будто бы и привлекала к нему в несчетном количестве женщин высшего круга. (Кстати, к разочарованию любителей «клубнички», и это являлось легендой. Врачами было установлено, что Распутин скорее был импотентом, чем сексуальным маньяком.) Все это, конечно, доходило до верховной власти. Об отношении царя к распутинским «художествам» уже говорилось. А царица? Как она, после того, что ей становилось известным о далеко не «святом» поведении «нашего друга», могла оставаться непоколебимо ему приверженной? Не только слепая материнская вера в Распутина как спасителя ее ребенка привязывала ее к «старцу». Было, вероятно, и другое. Императрица имела ограниченные, но твердые политические воззрения. Она была убеждена, что лучшая форма правления для России и русского народа — самодержавие царя. И все, что исходило от противников этого принципа, она отвергала, видя в том происки недругов «Ники» и «бэби» (Алексея). Антираспутинская волна накатывалась главным образом из рядов либеральной оппозиции, и царица старалась бескомпромиссно противостоять ей. Сообщениям, компрометирующим «старца», она либо не верила, либо уверяла себя и других, что Бог посылает испытание: будет ли она верна «Божьему человеку» даже в том неприглядном виде, в каком он подчас предстает? Распутин был по-мужицки сметлив и по-мужицки многолик. Он знал, где и как себя вести. «В Распутине, — писала Гиппиус, — настоящего юродства никогда не было, но юродствовал он постоянно и с большой сметкой: соображал, где сколько положить».

Императрица слепо верила Распутину. И он умело поддерживал эту веру «народностью», смирением и благодарностью. Мало кто знает,

что Распутин был философом! В 1915 г. в Петербурге вышла его книга с косноязычным названием «Мои мысли и размышления. Краткое описание путешествия по святым местам и вызванные им размышления по религиозным вопросам». Ч. 1 (он готовил и вторую). В этом, конечно, проявилась не только религиозная истеричность Александры Федоровны, но и реальность политического конфликта. Чем более активно действует в своих интересах одна сторона, тем упорнее противодействует ей другая. Круг замыкается, выхода нет...

Творимая легенда

Человеческие слабости «Божьего человека» не могли укрыться от внимательных взглядов тех, для кого собственная карьера или другие личные мотивы были превыше всего. Умевший подчинять неуравновешенных людей своему влиянию и вместе с тем лишенный каких-либо прочных духовных опор, Распутин постепенно превращался в пешку, которой двигали энергичные, своекорыстные титулованные и нетитулованные политики и интриганы.

В Петербурге Распутин снимал квартиру на Гороховой. Далеко не всех, кто приходил сюда, по-человечески можно осуждать. Одно дело — любимые Распутиным «барыньки», которые искали здесь утешения либо от пресыщенности, либо по большей части от мнимых болезней. Другое — те, кто, отчаявшись, искал тут защиты, помощи, облегчения.

Несмотря на многие глубокие реформы во всех областях жизни, Россия все еще оставалась страной, где многие люди по-прежнему твердо верили: «рука» у власти сильнее закона; там, где закон не сработает, «рука» пробьет. Понятно, что рука Распутина казалась всемогущей. Побывавшая в распутинском окружении (1915 — начало 1916 г.) Е. Джанумова вспоминала: «В квартире (на Гороховой, 64) с утра до вечера толкутся представители всех слоев населения. Крестьяне, ходоки в валенках... просят помочь миру в какой-то вражде с помещиком. Дама в глубоком трауре, с заплаканными глазами, хватая за руки “отца” и, всхлипывая, просит о чем-то. Военный в блестящем мундире одного из гвардейских полков скромно ждет своей очереди. Вот какой-то человек с обрюзгшим лицом входит в переднюю в сопровождении лакея... Это какой-то банкир по спешному делу. Его принимают без очереди. Какие-то польские беженцы, студенты, монашки с котомками и фрейлины императрицы. Салопницы и дамы в костюмах Лакена и Дусе... Истерически плачет какая-то женщина, звучит телефон...»

Все искали опоры, поддержки, содействия «своему делу». Есть свидетельства, что Распутин был отзывчивым человеком. Уже в наше время «Комсомольская правда» напечатала рассказ жительницы села Покровское А. Моторикой, родившейся в начале века. Она помнила Распутина и рассказывала корреспонденту: «Григорий Ефимович был свойским человеком. В нашем селе жили его жена и сын, и когда он приезжал к нам, то всегда помогал... Хотели у общины отобрать озеро, мужики пошли к Распутину, рассказали, он нам озеро отхлопотал... Или нужно кому-нибудь жениться, а денег нет. Идут к Григорию Ефимовичу, так, мол, и так, а тот только спросит, сколько надоть? Сто рублей хватает?»

В квартиру к Распутину являлось и немало евреев, пытавшихся преодолеть установленные для них ограничения. По некоторым свидетельствам, Распутин был чужд антисемитских настроений. Е. Джанумова пишет, что некая «барынька» в разговоре со «старцем» попросила его помочь «убрать жидков» из России. Он ее пристыдил: «Ты что? Они такие же люди, как мы...» Известно так называемое дело дантистов, осужденных якобы за поддельные врачебные свидетельства, дававшие им право на жительство в больших городах. Распутин помог дантистам, скорее всего, конечно, не бескорыстно, как не бескорыстно он помогал и в других делах. Одно вполне уживалось в нем с другим.

Но одно дело — те, кого к Распутину гнала беда, другое — высокопоставленные лица, преследовавшие иные цели. Позже в «Днях» В. В. Шульгин (один из лидеров фракции националистов в IV Думе) со свойственной ему живостью языка обрисовал эту, казалось бы, парадоксальную ситуацию. Некий его собеседник, «близкий к трону», так характеризовал место и роль Распутина: «Все, что говорят, будто он влияет на назначения министров, — вздор: дело совсем не в этом... Я Вам говорю, Шульгин, сволочь — мы! И левые, и правые. Левые потому, что пользуются Распутиным, чтобы клеветать; правые, т.е. прохвосты из правых, потому, что они, надеясь, что он что-то может сделать, принимают его каракули...»

Прав был собеседник Шульгина: «сволочью» был не только и, может быть, не столько сам Распутин, сколько та среда, которая, приметив его «силу», стала быстро формироваться вокруг него и использовать «старца» в своих целях. Распутин «влипал» в эту среду, как муха в мед. И обмазанный этим липким грязным медом, становился настоящим «подарком судьбы» для тех политических сил, которые находились в конфронтации с верховной властью. Уже в эмиграции один из лидеров партии октябристов А. Гучков признавал, что он сознавал опасность явления по имени Распутин. Бывшему премьер-министру В. Н. Коковцову

он говорил: «Может быть, мы не выросли в народ с конституционным правосознанием, особенно народные массы, они царя почитают как самодержца, помазанника Божия, все это так. Но вот в чем ужас, что если в один прекрасный день массы узнают, что помазанника нет, а что за его спиной находится их же человек из народных масс, но недостойный, какой-то хлыст, конокрад, развратник, то это удар по ореолу народного престижа. Будь это граф, князь, народ не обиделся бы, а когда свой человек... Словом, я пытался, во-первых, узнать и, во-вторых, действовать, не прибегая к огласке... потому что я отлично понимая, что разоблачения все эти наносят такие раны, что не знаешь, что лучше — болезнь или лечение...»

Эти слова были сказаны Гучковым в 1936 г. перед смертью, почти 20 лет спустя после катастрофы, которая сделала жертвой и тех, кто, не ведая всех последствий, вызывал ее. Понятно, что Гучков, вспоминая, хотел по меньшей мере смягчить прошлое. В годы же, предшествовавшие революции, он, не колеблясь, старался «лечить болезнь». Именно он и был одним из тех, кто являлся инициатором антираспутинской кампании, направленной, может быть, не столько против царского трона, сколько против человека, который восседал на нем. Видный октябрист и член III и IV Государственных Дум Н. В. Савич близко знал Гучкова. Он лучшим образом аттестует его в своих воспоминаниях: «При большом уме, талантливости, ярко выраженных способностях парламентского борца, Гучков был очень самолюбив, даже тщеславен, притом он отличался упрямым характером, не терпевшим противодействия его планам». Приверженец Столыпина, он и сам рассчитывал выйти в «первые номера» российской политики. В этом не было авантюризма. Гучков действительно был крупной личностью, и Савич даже считал, что, не соверши он ряд промахов и просчетов, которые были следствием его сильной натуры, он бы мог сыграть такую роль, что, «быть может, наша история пошла бы другим путем».

В марте 1910 г. А. И. Гучков занял пост председателя III Государственной Думы (в отставку он ушел спустя год из-за расхождения с премьер-министром Столыпиным в общем-то по частному вопросу). Савич считал, что пост думского председателя Гучкову понадобился и потому, что он открывал ему «выход» непосредственно на царя. Гучков рассчитывал, что, получив «влияние на всю внутреннюю политику», он перебросит мост между царем и Думой. Николай II проникся интересом и уважением к Гучкову. Между ними установились хорошие и даже доверительные отношения. «Обвал» произошел неожиданно и по вине Гучкова. В одной из бесед с Гучковым Николай II сообщил ему нечто такое, что не должно было стать достоянием публики. Однако

Гучков по каким-то причинам рассказал об этом в думском сеньорен-конвенте. Затем получилась «утечка информации» в газеты. С той поры Николай II и Александра Федоровна резко изменили свое отношение к Гучкову, посчитав его поступок оскорблением и предательством.

Гучков, со своей стороны, посчитал случившееся «кровной обидой» и, как пишет Савич, мало-помалу стал видеть в царе, «в личных свойствах его характера основную помеху благополучию страны». Через некоторое время, в начале 1912 г. последовала его на шумевшая речь в Думе. По существу это было первое публичное выступление против «старца», к тому же носившее откровенно политический характер. Гучков сказал: «Хочется говорить, хочется кричать, что церковь в опасности и в опасности государство... Вы все знаете, какую тяжелую драму переживает Россия... В центре этой драмы — загадочная трагикомическая фигура, точно выходец с того света или пережиток темноты веков, странная фигура в освещении XX столетия... Какими путями достиг этот человек центральной позиции, захватив такое влияние, перед которым склоняются внешние носители государственной и церковной власти... Григорий Распутин не одинок; разве за его спиной не стоит целая банда...?» Эту гневную речь в думских кругах называли «ударом по алькову». В Царском Селе такого забыть уже не могли никогда. Если бы там вели список врагов, то под одним из первых номеров, если не первым, стоял бы Гучков.

Конечно, было бы неверно смотреть на антираспутинскую кампанию исключительно как на «заговор» либеральной оппозиции и тех из числа правых, кто так или иначе поддерживал ее. Желтых газет или таких, что готовы были подхватить и растиражировать любую сенсацию ради получения барыша, было более чем достаточно. Но политические намерения Гучкова и других оппозиционных лидеров хорошо вписывались в деловые, коммерческие расчеты многих газетных и журнальных дельцов. Когда имя Распутина стало объектом широких пересудов в прессе (а это произошло в премьерство Столыпина), Николай II прислал ему записку. В ней, как вспоминал управляющий комитетом по делам печати в Департаменте полиции А. Бельгорд, он писал, что «ему, наконец, надоела газетная травля Распутина, что никому не может быть дано право вмешиваться в его, государя, личную жизнь, и что он требует, чтобы этому был положен конец». Вызванный Столыпиным, Бельгорд сказал, что это указание не может быть выполнено из-за отмены предварительной цензуры в России. Решено было собрать редакторов крупнейших газет («Новое время», «Русское слово», «Гражданин», «Речь» и др.) и повлиять на них в том смысле, чтобы они «закрыли» распутинскую тему. Так некоторое время и было. В сентябре 1911 г.

был убит Столыпин. Его на посту министра внутренних дел сменил А. А. Макаров. В «Русском слове» (вероятно, не без инициативы Гучкова) появилась резкая статья о «старце». И вновь Николай II потребовал, на сей раз от Макарова, чтобы «раз навсегда» была прекращена «травля Распутина». Соответствующее распоряжение пошло по линии: губернаторы — градоначальники — приставы — околоточные — редакции. Что же получилось? Как пишет Бельгорд, «газеты подняли шум о возмутительном превышении власти министром внутренних дел». Говорили, что по этому поводу уже готов запрос в Государственной Думе. Тем не менее полицейские власти пытались противостоять антираспутинской кампании, одним из организаторов которой становились оппозиционные группы IV Государственной Думы. Знарок революционного движения начала XX в. Б. И. Николаевский утверждал, что некоторые либеральные члены Думы, объединенные в группу, созданную по образцу масонских лож, инициировали издание скандальной брошюры Пругавина «Старец Леонтий», разоблачавшей «похождения» Распутина. Брошюра была конфискована и уничтожена (ее издали уже после падения монархии в 1917 г.). Уничтожены были и другие материалы о «старце», в частности брошюра сотрудника «Московских ведомостей» А. Новоселова, доказавшего принадлежность Распутина к секте хлыстов.

Департамент полиции на протяжении многих лет (а с начала 1916 г. и по личному распоряжению царя) предпринимал меры по организации охраны Распутина, по полицейской кличке — «Русского». В архиве Особого отдела Департамента полиции скопились сотни вырезок из газет — русских и зарубежных, посвященных Распутину. Просматривая их, убеждаешься, как рано Распутин превратился в творимую легенду, сводившуюся к тому, что жадный до денег хлыст, растлитель женщин и девушек приобрел неограниченное влияние на царскую семью и повластно распоряжался судьбами государства и церкви. Эти слухи не только циркулировали в петроградском обществе, но просачивались в армию и в самые «низы» народа.

«Распутинизм» использовался противниками последних Романовых из числа революционеров, либералов и правых в трех основных направлениях. Во-первых, для личной компрометации последних Романовых, особенно императрицы Александры Федоровны. Тут слухи (а ничего большего просто не могло быть) достигали подчас чудовищных масштабов. Двор представлялся чуть ли не клубком ужасного разврата: царица живет с Распутиным, Вырубова живет с Распутиным и одновременно является любовницей царя, Распутин и Вырубова поят царя каким-то «зельем», приготовленным их другом тибетским знахарем Бадмаевым,

отчего царь теряет последние остатки воли, становится равнодушным и даже не понимает, что происходят вокруг него. (Между прочим, этой «версией» впоследствии пытались объяснить и «безразличие» Николая II в момент отречения от престола.) Распространялись слухи о пьянстве царя. Говорили, что Распутин уже «подбирается» к старшим дочерям царя и т.д. и т.п. По рукам ходили «письма» царицы и ее дочерей к Распутину (часть их попала в сочинение Илиодора «Святой чёрт»), поддельность которых обнаруживается «невооруженным глазом». Эта линия «антираспутинщины» бурно развивалась сразу после падения монархии, когда уже никто не мог, да и не хотел препятствовать распространению грязной клеветы на бывшего монарха, «объясняющей» и оправдывавшей то, что произошло.

Вторая и третья антираспутинские линии имели откровенно политическую направленность. Широко циркулировали слухи и «свидетельства», согласно которым вмешательство «старца» в дела государственного управления стало настолько серьезным, что по его воле назначались и уменялись министры, притом действовал он в интересах неких «темных сил», идентифицировать которые фактически никто не мог. Хитрый и расчетливый Распутин не стремился опровергать эти версии: они подтверждали масштабы его влияния на самых «верхах». По рассказам Е. Джанумовой, о какой-то своей «барыньке» Распутин говорил: «Не люблю ее, пристаёт, чтобы я ее мужа министром сделал. А как я могу, когда он, дурак, не годится для этого дела?» — «А ты разве можешь его министром сделать?» — «Дело немудреное, отчего не сделать, кабы знал, что голова на плечах есть».

Кого же он все-таки «сделал министром»? Если даже допустить, что какие-то министры и были назначены с благословения «старца», то можно ли считать, что он был тем, кто их избрал и назначил? Вот пример с намерением назначить на пост министра внутренних дел нижегородского губернатора А. Н. Хвостова. По рассказу последнего, это было в 1911 г. В Нижний Новгород приехал Распутин, был принят Хвостовым и сказал ему, что «прибыл посмотреть, каков ты» для министерского поста. Хвостов отвечал, что это дело опасное: убили Сипягина, Плеве, а ему, Хвостову, тут спокойно и хорошо, к тому же этот пост занимает такой сильный человек, как Столыпин. «Ну, и не такие дубы ломаются», — усмехнулся Распутин. В этот же день в Царское Село на имя Вырубовой пошла телеграмма: «Видел, говорил, сердце хорошее, но молод, горяч, погодить надоть».

Из этого рассказа ясно, что Распутин приехал к Хвостову как некий разведчик, выполнявший задание тех, кто уже задумывал устранение Столыпина и подыскивал новую кандидатуру. Не более. Если Распутин

и санкционировал назначение какого-то министра, то только в том случае, если уже знал мнение императорской четы. Так, видимо, был назначен на пост министра внутренних дел А. Д. Протопопов, считавшийся в оппозиционных кругах наиболее очевидным «распутинцем», одним из представителей «темных сил». Этот человек, кстати, тоже стал жертвой ослепления в политической борьбе, а после падения монархии чуть ли не главным ее «козлом отпущения». Протопопов, как и два других главных героя эпохи революции — А. Ф. Керенский и В. И. Ленин, — происходил из Симбирска. Возглавляя думскую комиссию По промышленности и торговле, он был также членом думской комиссии по обороне и товарищем председателя III Думы. В Думе на него смотрели как на «своего» и никак не подозревали о его стремлении сблизиться с властью. Отношение к нему изменилось, в общем, по неожиданному поводу. Как член комиссии по обороне от фракции октябристов и человек, друживший с военным министром Сухомлиновым, он оказал содействие проведению через Думу важного для правительства законопроекта о расширении призыва в армию. Очевидно, в благодарность Сухомлинов добился пожалования Протопопову царского подарка — золотого портсигара с бриллиантовыми вензелями. Протопопов не только не скрывал этого, но всюду, где только мог, хвастался царским подарком. Однако большинство думских депутатов расценило это как недопустимый прецедент, как стремление власти внести «разложение и смуту» в думскую среду: ведь она могла начать раздавать подарки (взятки) за проведение или отклонение выгодных или невыгодных ей законопроектов.

Отношение к Протопопову в Думе резко изменилось. В новой IV Думе отчуждение Протопопова от своих бывших коллег продолжалось. Но если Дума теперь его отторгала, куда же он, человек, не скрывавший своего честолюбия, мог политически двигаться? Ясно, что в сторону власти. Известный в то время журналист В. Дорошевич предупреждал Протопопова: вас гонят в правый угол и загонят туда. Как человек обаятельный и к тому же владевший иностранными языками, Протопопов возглавил в 1916 г. думскую делегацию в союзные страны. На обратном пути, в Швеции он встретился с советником германского посольства Варбургом. По возвращении Протопопов дал все необходимые разъяснения. Встречу с Варбургом он рассматривал как зондаж и вынес из нее убеждение, что внутреннее положение в Германии ухудшается и там рассчитывают на расхождения между Россией и Англией. Но в думских кругах отнеслись к этому с подозрением и записали в протопоповский «компромат». Дальше больше. Протопопов заболел: открылась старая рана на ноге. Лечиться

он стал у тибетского доктора Бадмаева, у которого, как считали, подвизался Распутин. Теперь ниточка от «старца» была протянута к Протопопову. Этого было достаточно, чтобы в думских кругах он был предан анафеме. Зациркулировали слухи о том, что Бадмаев лечил Протопопова какими-то снадобьями, которые нарушили его интеллект. Был ли Протопопов действительно чем-то болен, неизвестно. Так или иначе, это использовалось в непримиримой борьбе с ним. И когда М. В. Родзянко во время одной из встреч с царем выразил свое возмущение назначением «этого человека» министром внутренних дел, Николай II напомнил Родзянко, что еще совсем недавно он сам просил его назначить Протопопова на министерский пост.

Можно допустить, что Распутин поддержал кандидатуру Протопопова, но, конечно же, получил он свое высокое назначение не по его протекции. Однако думскому ренегату пощады уже не было. Протопопов был раз и навсегда объявлен прямым ставленником «распутинского кружка». Разрыв стал окончательным. Оппозиция подвергла Протопопова настоящей травле, а в Думе его объявили сумасшедшим. Со своей стороны, Протопопов, вероятно хорошо информированный обо всем том, что делалось за кулисами Думы, готовил ответные действия и уже видел себя в ореоле «спасителя трона». Борьба Протопопова с думской оппозицией — печальная страница в истории последних лет российской монархии: она персонифицировала и тем обострила конфликт, окончательно разведя власть и Думу в разные стороны. Распутин же был просто использован в этой истории искусными поварами российской политической кухни.

Если Распутин был слабостью и грехом последнего царя, то для противников самодержавия он стал силой, но и грехом тоже. В ретроспективе видится: волею исторической судьбы Распутин оказался в центре борьбы двух сил: самодержавия, еще с далеких, допетровских времен выражавшего идею господства государства над человеком, и либерализма, стремившегося установить правовой порядок, ограничив законом власть государства над личностью. Восточное, азиатское начало в теле и духе России боролось с западным. В этом противостоянии и власть, и либералы обессилили себя, открыв путь революционной, «пугачевской» анархии. Из нее родилась система, уничтожившая как корни старой, допетровской России, так и те западные, либерально-демократические ростки, которые всходили в результате реформ Александра II и Столыпина. И Распутина, и Столыпина победил Ленин.

Можно ли было избежать этого? Можно ли было реформировать Россию, сохранив в то же время ее историческую традицию? Кто

знает?.. Путь к этому мог начаться с компромисса между властью и теми, кто хотел перемен. Но достижим ли он был в раскалывавшемся обществе?

Оппозиция атакует власть

К осени 1916 г. противостояние думской (и всей «общественной») оппозиции, с одной стороны, и власти — с другой, казалось, утратило какую-либо разумную основу. Есть свидетельства с обеих сторон, подтверждающие это. Член ЦК кадетской партии В. А. Оболенский писал: «Ощущение, что Россия управляется в лучшем случае сумасшедшими, а в худшем — предателями, было всеобщим».

Конечно, обе стороны проявляли непримиримость. П. Б. Струве впоследствии считал, что грех и вина за случившееся в 1917 г. лежали как на «штурмовавших, так и на защитниках стен». И все-таки, пожалуй, наибольшую агрессивность проявляла «штурмующая», думская сторона. Какая власть стала бы терпеть, например, речь П. Н. Милюкова, произнесенную 1 ноября 1916 г. в Государственной Думе? Милюков буквально испепелял правительство, которое, по его словам, контролировалось «темными силами», группировавшимися вокруг императрицы, и курс которого был либо глупостью, либо, хуже того — изменой. Одной этой речи (а были и другие, во многом сходные по содержанию) было бы достаточно, чтобы власть приняла решительные меры, направленные на пресечение подобных выступлений, особенно недопустимых во время войны. Речь Милюкова вызвала шок. Как вообще она стада возможной? Председательствовавший в думском заседании С. Т. Варун-Секрет виновато объяснял, что, не зная немецкого языка, он не мог реагировать на приводимые Милюковым цитаты из германских газет и поэтому не остановил его. Тем не менее, не желая слагать с себя ответственности, он вышел из состава президиума Думы. Поразительно, но власть фактически стерпела жесточайшее оскорбление: обвинения Милюкова были безосновательными. В думских кругах это было воспринято как проявление слабости и неуверенности. А. Ф. Трепова, назначенного на пост премьер-министра вместо Б. В. Штюрмера, при первом появлении в Думе просто освистали. По-видимому, некоторым лидерам оппозиции теперь казалось, что еще один «напор», «нажим» на власть, — и она капитулирует: вождевленное «ответственное министерство» станет наконец реальностью. С. Ю. Витте сравнивал либеральную оппозицию с шахматным игроком, который, уже почти выиграв партию, готов схватить доску и начать бить противника ею по голове...

Созревание заговора

Мощь антиправительственной атаки нарастала. Она направлялась теперь прицельно против Протопопова и Распутина, объявленных вдохновителями тех самых «темных сил», которые под покровительством императрицы готовят удар по оппозиции и сепаратный мир с Германией.

Для оппозиции Распутин был «нужной» фигурой. Именно она должна была его «беречь». Иначе обстояло дело с правыми. Их порождение, человек, призванный, по их расчетам, «укрепить трон», вышел из-под их контроля, хуже того — превратился в инструмент его расшатывания. Заговор против Распутина мог созреть только в их среде. Так и произошло. В экстремистских правых кругах крепла мысль о необходимости устранения «старца» для спасения монархии. Им казалось, что без Распутина императрица утратит свою силу и свое влияние на царя, и «темные силы», губящие Россию, уйдут в небытие.

Помимо желания посильнее «уесть» противника, многие думские депутаты состязались в красноречии. Каждому хотелось перещеголять другого (особенно политического) противника, стяжав ораторскую славу. Речь Милюкова 1 ноября 1916 г. ходила в списках чуть ли не по всей стране. Один из лидеров крайне правых В. М. Пуришкевич, человек шумный, экстравагантный, явно неуравновешенный, стремившийся постоянно быть на первых ролях, в центре внимания, по-видимому, решил превзойти кадетского вождя. «Освобождением» монарха от Распутина Пуришкевич и, как говорили в старой Руси, его «поплечники» рассчитывали «спасти Россию». Этим лозунгом они прикрывали все свои действия: травлю и убийства либеральных деятелей, разжигание национальной вражды, еврейские погромы и т.д. 19 ноября Пуришкевич произнес свою «знаменитую» речь. Он обвинял самых различных лиц из правительственных сфер в интригах, коррупции, связях с немцами. В заключение, войдя в настоящий раж, Пуришкевич призвал министров отправиться в Ставку, пасть к ногам государя и избавить Россию от Распутина. Через несколько дней Дума приняла резолюцию о том, что влияние темных, безответственных сил должно быть устранено и всеми средствами надо добиваться, чтобы был образован кабинет, готовый опереться на Государственную Думу. Пуришкевич ходил в героях...

Как конкретно замышлялся заговор с целью убийства Распутина, неизвестно. В убийстве принимали участие 5 человек: В. М. Пуришкевич, князь Ф. Ф. Юсупов, вел. кн. Дмитрий Павлович, доктор Лазаверт

и поручик Сухотин. Особенно много и охотно об убийстве писал Ф. Юсупов, проживший в эмиграции долгую жизнь. Так называемый «Дневник» Пуришкевича (он умер от тифа в Новороссийске в феврале 1920 г.) был опубликован уже после его смерти. Остальные участники — Дмитрий Павлович, Лазаверт и Сухотин — не оставили своих воспоминаний (Лазаверт и Сухотин ни до, ни после убийства Распутина вообще никак себя не «обозначили»).

Мемуары Юсупова (да и «дневниковые» записи Пуришкевича) лишь в небольшой степени могут рассматриваться как достоверные источники истории заговора и убийства Распутина. Юсупов развивал легенду о Распутине чуть ли не как о сверхъестественной силе, которую он, Юсупов, «со товарищи» все-таки сумел перебороть и уничтожить во имя блага России. Тут что ни слово, то пересказ слухов, широко ходивших в народной «массе». Возможно, Юсупов верил в этот бред, поскольку его следы обнаруживаются даже в показаниях, которые он давал после убийства.

Инициативу заговора Юсупов приписывает себе. Но зная авантюрно-скандальную «заговорщическую» натуру Пуришкевича, представляется, что в центре заговора все-таки был он. Косвенно же это подтверждается очень важным источником — «Некоторыми дополнениями к воспоминаниям Пуришкевича и князя Юсупова об убийстве Распутина», написанными В. В. Маклаковым и опубликованными в 1928 г. парижским журналом «Современные записки» (т. 34). Маклаков писал, что где-то в начале ноября к нему явился Юсупов, говорил о необходимости устранения Распутина, что будет на руку и оппозиции, так как только без него царь сможет «сделаться хорошим конституционным монархом».

Цель этого первого визита Юсупова, по мнению Маклакова, состояла в том, чтобы с его помощью найти террориста, который бы согласился убить Распутина. Юсупов, по-видимому, считал, что либеральная оппозиция и революционный лагерь — одно и то же или во всяком случае очень близки между собой. Маклаков, по его словам, отверг эту просьбу, сказав Юсупову: «Вы что же, думаете, что у меня контора убийц?» Однако, как опытный адвокат и политик, он дал Юсупову важные для него советы. Маклаков сказал, что смерть Распутина от руки наемного убийцы, который может шантажировать «нанимателей» и которого могут найти, не даст необходимого политического эффекта. Нужно, чтобы убийство Распутина осталось некой загадкой, мистическим актом, а исполнители не были обнаружены. Юсупов ушел.

28 ноября Маклаков встретил Пуришкевича в Таврическом дворце, и тот спросил, был ли у него Юсупов. Этот вопрос дает основание пред-

положить, что «поход» Юсупова к Маклакову, о котором шла речь, был, по крайней мере, согласован с Пуришкевичем. Пуришкевич сказал Маклакову, что все его советы «выполнены», что наемных убийц не будет, «участвуют только интеллигентные люди», а само убийство произойдет ночь с 16 на 17 декабря.

После этого Юсупов побывал у Маклакова еще два или три раза. И вновь знаменитый адвокат давал ему различные советы, вплоть до «техники» самого убийства. «Убить, — говорил он, — лучше всего ударом; можно будет потом увезти труп в парк, переехав автомобилем, и симулировать несчастный случай». Юсупов попросил у Маклакова лежавший у того на столе «кистень с двумя свинцовыми шарами на короткой гнущейся ручке». Маклаков отдал.

Когда читаешь все эти признания Маклакова, поражаешься: как мог такой человек вести подобные переговоры? Ведь он становился соучастником готовившегося преступления и действительно стал бы им, если бы поддался уговорам Юсупова и Пуришкевича «быть у них под рукой» и остался в Петрограде. Но при встрече Пуришкевич сказал, что вел. кн. Дмитрий Павлович не настаивает на присутствии Маклакова. По его убеждению, заговор и убийство должны обойтись без кадетов, чтобы стать делом рук «истинных и преданных монархистов». Уже на обратном пути в Петроград Маклаков узнал, что Распутин мертв.

Заговорщики решили воспользоваться знакомством Юсупова со «старцем», у которого он лечился сеансами гипноза (где и как Распутин овладел этим искусством, так и остается невыясненным; и совсем не исключено, что этот странный «гипноз» составлял часть распутинской легенды). Проблема состояла в том, чтобы заманить Распутина в дом Юсуповых на Мойке. После покушения на «старца» летом 1914 г. в селе Покровское припадочной Гусевой (она, как говорил Распутин, «пырнула его ножом») и неудавшейся попытки убийства, организованной министром внутренних дел А. Н. Хвостовым летом 1916 г., Распутина тщательно охраняли. Во дворе дома на Гороховой улице и на лестнице, ведущей в квартиру Распутина, постоянно дежурили филеры, доносившие о каждом его передвижении и обо всех посетителях. Но заговорщики хорошо знали о расположении «старца» к «барынькам», и Юсупов не поколебался использовать свою жену Ирину в качестве приманки для Распутина. Правда, в Петербурге ее тогда не было, но Распутин об этом не знал. Юсупов должен был сказать ему, что родные Ирины не хотят, чтобы об этой встрече стало кому-нибудь известно. Распутин, кажется, исполнил условие, хотя, по некоторым данным, императрица Александра Федоровна знала

о предстоящей встрече «нашего друга» с Ириной и даже выразила недоумение: ей было известно, что та находилась в Крыму, но царица решила, что она, вероятно, уже вернулась... Распутин, по показаниям Юсупова, пораньше отпустил своих филеров, а заговорщики, чтобы еще больше запутать следы, по совету Маклакова позвонили в любимый «старцем» ресторан «Вилла Роде», сообщив, что Григорий Ефимович поздно вечером 16 декабря туда прибудет.

Развязка близилась. Вел. кн. Дмитрий Павлович на своем автомобиле проехал вдоль Невы, заранее наметил место у Петровского моста, куда в прорубь можно было бы бросить мертвого Распутина. Решено было принять Распутина в только что отремонтированном подвальном этаже Юсуповского дворца на Мойке. Тут была великолепная обстановка: витражи, роскошные гардины на окнах, огромный ковер и медвежья шкура на полу, кресла, обитые кожей, на столах — золотые кубки. Топился большой гранитный камин. На дубовом шкафу — распяты. Лестница вела наверх, в кабинет Юсупова, и во двор, что было очень удобно для заговорщиков.

Слугам было приказано приготовить пирожные, пирожки, другие сладости, вино, в том числе любимую Распутиным мадеру, и удалиться. Юсупов вынул из шкафа коробку с цианистым калием в виде палочек, взял со стола тарелку с бисквитами (их было шесть: три шоколадных и три миндальных), а доктор Лазаверт, надев резиновые перчатки, растолок яд и всыпал в шоколадные пирожные большую порцию смертоносного порошка. Остатки яда надо было всыпать в приготовленные рюмки, но решили сделать это позже.

Убийство

Юсупов с Лазавертом поехали на Гороховую. Во дворе дома № 64 их остановил дворник, но Юсупов объяснил, к кому они едут, и дворник, хотя и недоверчиво, но пропустил их. Лазаверт остался в машине, а Юсупов поднялся по лестнице, позвонил. Лязгнула дверная цепочка. Распутин посмотрел, кто приехал, и впустил гостя. Вошли в кухню. Там было темно, но Юсупов, видимо, от волнения, прятал лицо в поднятый воротник. Распутин спросил: «Ты чего это закрываешься?» — «Так ведь мы сговорились, чтобы про сегодняшнее никто не знал», — ответил Юсупов. Распутин кивнул головой: «Верно, верно. Я и своим ничего не сказал, и «тайников» (филеров и агентов охраны. — Г. И.) всех услад».

Зашли в спальню, где Распутин надел заранее приготовленную шубу, бобровую шапку и высокие фетровые галоши. Спросил, не будет ли

еще кого-нибудь у Юсупова, и вдруг сказал: «А знаешь, заезжал ко мне вечером Протопопов, и слово с меня взял, что я в эти дни сидеть буду. «Убить, говорит, тебя хотят; злые люди-то всё недоброе замышляют...» А ну их! Все равно не удастся — руки не доросли».

Спустились по темной лестнице, сели в машину. Поехали...

Когда находившиеся наверху Пуришкевич, Дмитрий Павлович и Сухотин слышали, что «старца» привезли, они, в соответствии с задуманным планом убийства, завели граммофон. Раздалась мелодия модной в то время американской песенки «Янки дудл». Уже усевшийся возле стола Распутин поднял голову, насторожился: «Что это — кутеж?» Юсупов сказал ему, что там, наверху, у Ирины гости и после их ухода она спустится вниз.

Убийство в деталях, вплоть до мельчайших подробностей описано Юсуповым и Пуришкевичем в их воспоминаниях. Но как трудно отделить в них правду от вымысла! Ведь распутинской легендой и тот и другой хотели объяснить и еще в большей степени оправдать свои действия перед современниками и потомками. Картиной невероятной, чуть ли не сверхъестественной «живучести» Распутина они хотели убедить, что убивали не обыкновенного смертного, а какого-то «сверхчеловека», дьявола во плоти. На Распутина не действовал яд, который был в бисквитах и вине. Он лишь мрачнел, пил и просил Юсупова играть на гитаре. Когда Юсупов под каким-то предлогом поднялся наверх, находившиеся там заговорщики были в панике. Решили все вместе наброситься на «старца» и задушить его. Но Юсупов, взяв револьвер, спустился вниз и выстрелил в Распутина. Тот навзничь свалился на медвежью шкуру. Юсупов и остальные подошли к лежащему на спине Распутину, осмотрели рану. Пуля прошла навывлет в области сердца, и сомнений быть не могло: «старец» мертв. По словам Юсупова, «настроение у всех было повышенное. Мы верили, что событие этой ночи спасет Россию от гибели и позора».

Дальнейшее спланировали так. Сухотин, изображая Распутина, в его шубе и шапке, в открытом автомобиле Пуришкевича, в сопровождении вел. кн. Дмитрия Павловича и Лазаверта поедет по направлению к Гороховой улице. Одежду Распутина завезут на Варшавский вокзал и сожгут там в санитарном поезде, снаряженном Пуришкевичем для поездки на фронт за ранеными. Потом они должны были заехать к великому князю, сменить автомобиль и возвратиться на Мойку, где останутся Пуришкевич и Юсупов. После того, как, по их расчетам, след будет запутан, они должны были отвезти труп Распутина к Петровскому мосту и сбросить в полынью. Сухотин, Дмитрий Павлович и Лазаверт уехали. Юсупов и Пуришкевич сидели наверху, беседовали, «мечтая

о будущем родины, теперь избавленной от злого гения... Мы верили, что для России открывается новая эра и что люди, близко стоявшие к власти, освободившиеся от Распутина, быстро объединятся и будут энергично работать на благо России». Можно ли поверить в то, что такие благородные и светлые мысли приходили в голову людям, только что совершившим убийство?

Но мечтать о светлом будущем было еще рано. Когда Юсупов спустился вниз, он, к ужасу своему, увидел, что Распутин ожил. «Рывком вскочил на ноги, изо рта его шла пена... Комната огласилась диким ревом». Он подбежал к Юсупову, схватил его за плечи и скрюченными пальцами стал тянуться к его горлу. С трудом вырвавшись, Юсупов бросился наверх, призывая на помощь Пуришкевича: «Скорее револьвер, стреляйте, он жив!» Распутина не «брали» ни цианистый калий, ни пули. Он поднимался по лестнице, ведущей во двор, «рыча и хрипя, как раненый зверь». Но Юсупов знал, что дверь закрыта на ключ и выйти Распутин не сможет. Но если против Распутина оказались бессильными яд и пуля, то что для него запертая дверь? И к ужасу Юсупова, она действительно распахнулась! Распутин исчез в темноте. Пуришкевич бросился за ним. Раздались подряд четыре выстрела. Распутин покачнулся и упал возле большого снежного сугроба. Юсупова охватила ярость. Он подбежал к «старцу» и «в бешенстве и остервенении начал избивать уже бездыханный труп кистенем, который подарил ему Маклаков». Пуришкевич впоследствии писал, что на его выстрелы прибежал городской. «Знаешь, кто я? — будто бы спросил Пуришкевич. — Я Пуришкевич, член Государственной Думы. Я убил Распутина». Для чего Пуришкевичу понадобилось такое признание? Ощущал ли он себя в этот момент героем, «делающим» историю, или просто находился в состоянии нервного потрясения? Трудно сказать. Что-то есть общее в иступленном избиении мертвеца кистенем и истерических кривляниях Пуришкевича перед оторопевшим городским. «Историческая патриотическая акция» спасения монархии и России выглядела отвратительно и пошло...

Когда утром 17 декабря Распутин не явился домой, его домочадцы дали знать властям. Расследование было поручено начальнику Петроградского охранного отделения полковнику Глобачёву. Днем дежуривший на Мойке городской сообщил приставу, что примерно в 3 часа ночи он слышал выстрелы недалеко от дома Юсупова. Следствие уже шло полным ходом, когда императрица в панике телеграфировала находившемуся в Ставке царю: «Сегодня скандал в Юсуповском доме. Большое собрание — Дмитрий Пуришкевич и т.д. — все пьяные.

Полиция слышала выстрелы. Пуришкевич выбежал, крича полиции, что наш друг убит». Но она все еще надеялась на «Божье милосердие».

Обычно пишут, что, получив сообщение об исчезновении Распутина, Николай II спешно покинул Ставку и направился в Царское Село. Это не совсем так. Возвращение в Царское Село было запланировано заранее и связывалось с Рождеством. Уже в пути, 19 декабря, в царском поезде была получена телеграмма: «Сообщаю, вчера днем на Большом Петровском мосту внизу устья была найдена калоша, которую признали принадлежащей Григорию. На перилах моста усмотрели следы крови. По показаниям прислуги, Григорий уехал ночью вместе с князем Юсуповым, хотя к этому показанию отношусь недоверчиво». Спустившиеся под лед водолазы обнаружили и извлекли труп Распутина.

В дневниках Николая II нет никаких следов его тревожного состояния или волнения по поводу полученных известий о Распутине. Дворцовый комендант Воейков вообще утверждал, что известие о смерти Распутина не вызвало у царя скорби, скорее, наоборот, явилось «чувство облегчения». Только 21 декабря он написал в дневнике, что присутствовал на похоронах «незабвенного Григория». Единственная фраза...

Распутина похоронили в Царском Селе возле Государева Федоровского собора, входившего в комплекс так называемого Федоровского городка, построенного в стиле русской архитектуры XVII в. к 300-летию династии Романовых. На похоронах присутствовала только царская чета с детьми и А. Вырубова. В гроб положили иконку, цветы.

«Теперь всё дозволено»

Когда, зайдя в Министерство юстиции, Маклаков спросил директора уголовного департамента Лядова, нашли ли виновных, тот усмехнувшись, ответил: да они прекрасно известны, ведь сам Пуришкевич рассказал о происшедшем городовому, взяв с него слово молчать, а тот, конечно, обо всем донес по начальству. Лядов шутливо добавил, что задача следователя, которому поручено это дело, будет состоять в том, чтобы не найти виновных, ибо процесс по делу об убийстве Распутина просто немыслим: ведь будут затронуты имена «носителей высшей власти», а в сложившейся ситуации это просто опасно для государства. Но и по чисто формальным причинам такой процесс был невозможен: все сообщники преступления должны судиться одним судом, но, согласно законоположениям об императорской фамилии, великие князья были подсудны только императору.

Российские законы не предвидели случая сообщничества великого князя (Дмитрия Павловича. — Г. И.) и обыкновенных смертных. Поэтому нет иного выхода, говорил Лядов, кроме того, чтобы никого не найти и тихо спустить дело на тормозах.

Так и случилось. На обращении великих князей с просьбой о помиловании Дмитрия Павловича Николай II написал: «Никому не дано права убивать». Дмитрий Павлович немедленно был отправлен в русский экспедиционный корпус, находившийся в Персии. Эта ссылка спасла ему жизнь, ибо, скорее всего, после Октябрьского переворота он был бы убит, как и некоторые другие великие князья. Ф. Юсупова отправили в «ссылку» в собственное имение. Пуришкевич быстро покинул Петроград, уехав в своем санитарном поезде на фронт. Лазаверт и Сухотин тоже куда-то исчезли. Безнаказанность убийц произвела тяжелое впечатление. Подтверждалось укоренившееся убеждение о беззаконии в России, и, что еще хуже, — укреплялось мнение о бессилии власти, которая не посмела тронуть виновных.

Есть множество свидетельств того, что известие об убийстве Распутина вызвало настоящее ликование в Петрограде. Н. В. Савич вспоминал, что многие приветствовали этот акт чуть ли не как национальный праздник, как освобождение от страшного кошмара. «Три дня город ликовал». Породили Распутина правые. Они же и убили его, рассчитывая укрепить трон. Результат оказался обратным: они лишь сильнее расшатали его. Компрометация власти была полной. Теперь нужен был только толчок, чтобы она зашаталась или даже пала. Распутинское убийство было сигналом к тому, что в России отныне «все позволено».

После Распутина

Распутинская легенда растаяла как дым сразу после его исчезновения. Ничего не изменилось. В союзе с Антантой продолжалась война с Германией, и твердо, в который уже раз, было заявлено: она будет продолжаться до победного конца. Как и прежде, Николай II маневрировал, не уступая напору оппозиции слева и не слишком поддаваясь давлению справа. По всей вероятности, сознавая противостояние и напряженность в обществе, он стремился сохранить *status quo* до окончания войны. Если бы революции не произошло и война окончилась для России победой, перед ней открывались две возможности: либо патриотический подъем, превратившийся в шовинистический угар, привел бы к укреплению «самодержавного принципа», либо, напротив, союз с демократическими странами Запада содействовал бы дальней-

шей модернизации России и дальнейшему преобразованию режима в конституционном направлении. Ретроспективно представляется, что второй путь имел больше шансов на успех, хотя «национальные начала» в этом процессе почти наверняка были бы укреплены. Бывший премьер-министр Трепов в эмиграции писал, что Николай II так очертил политический курс в январе 1917 г. Проводить какие-либо радикальные реформы во время войны невозможно. «Русский народ по своему патриотизму понимает это и терпеливо подождет». Только отдельные группы общества, главным образом в обеих столицах, «желают волнений» ради осуществления собственных вождедений, но их «заставят успокоиться, хотя бы пришлось прибегнуть к репрессиям». После же окончания войны будут проведены реформы, которые «удовлетворят интересы подлинного народа». Николай II надеялся на «смягчение» противоборствующих политических сил, рассчитывал на компромисс. В этом была его главная и роковая ошибка. Политика не терпит неопределенности. В годину «смуты и разврата» среднего, промежуточного пути нет. Этого до конца не понимали ни он, ни Керенский, ни через несколько десятков лет Горбачев. Это хорошо понимал Ленин...

То, что называют славной, бескровной Февральской революцией, конечно, не было таковой. В столице возникли банальные беспорядки на почве продовольственных затруднений. Петроградские военные и гражданские власти растерялись. Царь находился в Ставке, и без него никто не решался приступить к активным действиям. Между тем, по свидетельствам многих очевидцев, одного боевого полка было бы вполне достаточно, чтобы восстановить в Петрограде порядок. Именно в этот момент в события вмешались лидеры думской оппозиции. Сознательно ли они использовали возникшую анархию для достижения своих политических целей или поначалу, движимые страхом, пытались как-то справиться с ней, — сказать трудно. Скорее всего, было и то, и другое. Но так или иначе, руки у них оказались развязанными: царская чета была уже скомпрометирована так, что практически никто в эти критические минуты не оказал ей поддержки. Распутинская легенда сделала свое дело.

По свидетельству одной из дочерей «старца», он якобы пророчил, что с его гибелью погибнет и царская семья. На деле он погубил ее не своей смертью, а своей жизнью. Никто так не расшатал царский престол в России, никто так не унизил, не уронил в глазах народа и общества личности царя и царицы, никто так не дискредитировал царской семьи, как Григорий Распутин.

Новый постсамодержавный режим вынужденно потакал страстям толпы, с наслаждением топтавшей символы «проклятого прошлого».

О Распутине вспомнили в первые же мартовские дни 1917 г. По чьему-то наущению солдаты Царскосельского гарнизона выкопали гроб с его останками из могилы. Некоторое время он находился в вагоне поезда, стоявшего на запасных железнодорожных путях. Потом его облили бензином и сожгли. Пепел развеяли по ветру...

Тяжелая участь постигла главную распутинскую «другиню» — Анну Вырубову. Во время февральских событий в Петрограде она переселилась в Александровский дворец в Царском Селе, где находилась царская семья. Здесь дочери царя болели корью, от них, видимо, заразилась и Вырубова, и императрица Александра Федоровна самоотверженно ухаживала за всеми. 8 марта новый командующий Петроградским военным округом генерал Л. Г. Корнилов объявил, что царская семья со всем ее окружением берется под стражу. На другой день в Александровский дворец из Ставки был доставлен арестованный там Николай II.

Расследованием деятельности распутинских «темных сил» занималась теперь Чрезвычайная следственная комиссия, учрежденная Временным правительством. Естественно, что Вырубовой она уделила особое внимание. В ее доме произвели тщательный обыск. Подняли полы в поисках тайного хода в Александровский дворец и секретного провода в... Берлин. Слуге Вырубовой — Берчику — предлагали 40 тыс. руб. за выдачу этих тайн.

Решение об аресте Вырубовой было принято еще 5 марта. Поручено это было самому министру юстиции А. Ф. Керенскому. Но ввиду болезни Вырубовой дело, по-видимому, откладывалось. Однако в 20-х числах марта по подозрению в каких-то тайных переговорах с комендантом Царскосельского дворца ротмистром Коцебу и, очевидно, под давлением исполкома Петроградского Совета, искалеченную и больную женщину (в 1915 г. Вырубова попала в железнодорожную катастрофу) все-таки заключили в Петропавловскую крепость, где уже находились многие царские министры и высшие сановники. По воспоминаниям доктора И. Манухина, прикомандированного к Чрезвычайной следственной комиссии, режим, установленный здесь, был очень суровым, а охрана, состоявшая из солдат воинских частей Петроградского гарнизона, вела себя крайне грубо. Часто раздавались крики: «Всех вас перебить», сопровождавшиеся отборным матом. Многие арестованные пали духом. Но Вырубова, по воспоминаниям Манухина, держала себя с самообладанием. Между тем ей больше, чем другим, пришлось испытать не только физические страдания, но и моральные муки. «Любовницу Гришки и Николашки» могли «двинуть» прикладом винтовки или обозвать

непечатными словами. Свою связь с Распутиным она категорически отрицала, но от разговоров и расспросов о нем старалась уклониться. Однако считалось, что установление этой связи настолько важно для следствия, что Вырубову даже подвергли медицинскому обследованию, в результате которого установили: связи не было, Вырубова девственница. Манухин добился перевода Вырубовой в арестный дом на Фурштатской, где режим был легче и откуда проще было перевести ее в больницу.

Между тем в середине августа, накануне выступления Корнилова, следственные органы «нащупали» «монархический заговор», следы которого якобы вели в Тобольск, где уже находилась царская семья. Как вскоре выяснилось, все это оказалось блефом. Тем не менее группа «опасных монархистов», среди которых находилась и Вырубова, в сентябре была выслана за границу. Дальше Финляндии, однако, уехать не удалось. На станции Рихимяки толпа солдат высадила всех из поезда, ссыльных по распоряжению Гельсингфорского Совета армии, флота и рабочих доставили в Гельсингфорс на яхту «Полярная звезда», а на ней — в Свеаборг. Здесь их задержали матросы — «краса и гордость революций». В конце сентября 1917 г. мать Вырубовой И. И. Танеева каким-то образом нашла ход к председателю Исполкома Петроградского Совета Л. Д. Троцкому, и по его распоряжению Вырубову вернули в Петроград.

К этому же времени относится любопытный эпизод в жизни А. Вырубовой: ее встречи с М. Горьким. Вырубова позднее писала, что к ней он относился «с симпатией». По-видимому, она рассказывала ему многое, что интересовало его как писателя. Как утверждает Манухин, Горький хлопотал за Вырубову перед самим Лениным, прося его дать распоряжение не подвергать ее постоянным арестам. Почти целый год после этого она жила в Петербурге. Но в сентябре 1919 г. ее вновь арестовали на квартире матери. 7 октября под охраной красноармейца с Гороховой улицы, 2 (там помещалась петроградская ЧК) ее отправили в тюрьму. На Михайловской площади, посчитав, видимо, что опирающаяся на костыль Вырубова никуда не уйдет, он отлучился. Но ей удалось скрыться. Через некоторое время вдвоем с матерью они сумели нелегально переправиться в Финляндию, президент Финляндии барон К. Маннергейм служил в царской гвардии и знал родителей Вырубовой. Как пишет ее брат С. Танеев, он выдал ей «сертификат» на жительство. В Финляндии она «приняла тайный постриг и стала монахиней в миру». Вырубова умерла здесь в 1965 г.

Так была ли у Распутина «политика», опирающаяся на некие «темные силы»? «Политика» была. Она, по словам З. Гиппиус, сводилась

к следующему: «Чтобы жить мне привольно, ну и конечно, в почете; чтобы никто не мог мне препятствовать, а чтобы что я захочу, то и делаю. А другие пусть грызут локти, на меня глядя». Никакой другой политики у Распутина не было. Ужас русской жизни состоял в том, что человек с такой «политикой» сумел добраться до трона, а силы, стоявшие по левую и правую сторону от него, превратили его в «запальник» костра, в котором погибли почти все. Как не вспомнить В. Розанова, который писал: «С лязгом, визгом опустили над русской историей железный занавес. Представление окончилось. Публика встала. Пора одевать шубы и возвращаться домой. Оглянулись. Но ни шуб, ни домов не оказалось».

Рецензия на: *Радзинский Э. Распутин: жизнь и смерть. М.: Вагриус, 2000. 575 с.*¹

Эту книгу читать интересно. А как иначе? Одна тема чего стоит: Распутин! Только в последние 2–3 года о нем вышло несколько книг. Например, «Убить Распутина» О. Шишкина, «Распутин» А. Боханова и др. «Старец» вызывает ныне жгучий интерес. Читатель, по-видимому, усматривает тут какую-то «связь с современностью». Но сама по себе тема еще не все. Автор новой книги о Распутине — Э. Радзинский — популярный драматург, в перестройку «перековавшийся» в историка и стяжавший на этом нелегком пути чуть ли не всемирную известность. Он привнес в свои исторические труды режиссерское и драматургическое, даже драматургическо-детективное мастерство. Однако и это еще не полное объяснение. В трех главных своих исторических книгах: о Николае II, Сталине и вот теперь о Распутине автор использовал один и тот же прием — обещание раскрыть тайну, разгадать историческую загадку: загадку последнего царя — этого «сфинкса» династии Романовых — и тайну его гибели, загадочность «потаенного Сталина». И наконец, «тайну мужика». Как утверждает Радзинский, о Распутине написаны горы книг, но «под пером исследователей исчезло главное — его тайна» (с. 7). Теперь дошла очередь и до нее, и Радзинский твердо пообещал, что

¹ Печатается по: *Иоффе Г. З.* Рецензия на: *Радзинский Э. Распутин: жизнь и смерть. М.: Вагриус, 2000. 575 с.* // Отечественная история. 2002. № 3. С. 182–185.